

В.М. Аллахвердов

Эскиз теории сознания¹

Сообщение первое.

На чем теория сознания должна основываться и какие головоломки призвана решать

Ключевые слова: теории сознания, психология

1. Интродукция.

Очевидность существует только в нашем сознании, но лежит в основе всякого знания. Поэтому каждый из нас только с помощью сознания способен что-либо знать. Но – и это уже создает проблему – ни одно объяснение сознания не может стать очевидным, ведь само сознание не знает, откуда оно возникает и что при этом оно делает. Всем нам о сознании многое *известно*, например, мы знаем, что значит «обладать сознанием», хотя мы почти ничего о нем *не понимаем*. Об этом точно сказал М.К. Мамардашвили [1990, с. 215]: «сознание есть нечто такое, о чем мы как люди знаем все, а как ученые не знаем ничего». Рассуждения, посвященные сознанию, обычно лишь запутывают, а не объясняют. В них, конечно, есть много правды, но мы не знаем, в чем именно из многого сказанного эта правда состоит. А полуправда, как известно, хуже лжи. Прав Ж.-П. Сартр: «сознание есть то, что оно не есть, и не есть то, что оно есть» [цит. по: Лекторский, 1980, с.117]. Никто в мире до сих пор не способен объяснить, ни что такое сознание, ни чем оно занято, ни то, как и почему порождает «Я», социум, язык, культуру. Все известные подходы ведут в сплошные логические тупики.

Сорок лет я искал свой путь решения проблемы сознания. Все, что читал в литературе, вызывало только недоумение. Вот для примера начало идущего с советских времен определения, до сих пор встречающегося в словарях и учебниках: «Сознание – высшая форма отражения действительности...». Слово «высшая» не обозначает здесь ничего конкретного, поскольку критерий высоты формы никак не задан. Как, например, решить, у дельфинов и сумасшедших – высшая форма отражения или не совсем? А у луноходов или интернета? И почему эталон метра – это не высшая форма отражения метра? Под формой, скорее всего, имеют все-таки в виду не форму отражения, а его содержание (но, право же, не напишешь ведь «высшее содержание»). И, наконец, даже сторонники данного определения признают, что отражение – это не в буквальном смысле отражение, а нечто совсем иное, чем это обычно понимается. Что дает такое определение? Потому мне и сейчас кажется актуальной шутка В.П. Зинченко о положении дел в психологии, услышанная мной еще в 1970-е гг.: «То, что мы едем не туда, известно. Наша задача, как говорят в Одессе, – сесть хотя бы *туда* лицом».

Ясно, что решение проблемы должно опираться на принципиально *новые* идеи. Как мне уже доводилось писать, новая теория должна содержать долю ахинеи, иначе в чем ее новизна? Другое дело, что эта ахинея должна быть потом еще хорошо обоснована и, хотя бы частично, сведена к каким-то привычным конструктам, тривиализирована, чтобы научное сообщество могло принять эту идею [Аллахвердов, 2007]. Итак, нужны заведомо абсурдные идеи как с точки зрения существующих подходов, так и с позиции здравого смысла. Поэтому, читая тексты уважаемых мной психологов, часто задумывался: а что, если все наоборот? Правда, сконструировать это «наоборот» оказывалось очень непростой задачей. Начиная со студенческой скамьи, много экспериментировал. Мне повезло – удалось обнаружить ряд феноменов, которые не вписывались ни в одну из существующих парадигм [см. Аллахвердов, 1993, 2000 и др.]. Например, была обнаружена тенденция не осознавать ранее уже не осознанное (а, значит, отличать ранее не осознанное – т.е. незамеченное, невоспроизведенное и т.д. – от до этого не предъявленного). Потом экспери-

¹ Поддержано грантом РФФИ 11-06-00287а (рук. В.М. Аллахвердов)

ментировать начали уже мои ученики и последователи. И почти в каждом исследовании удавалось удачно предсказывать результаты, хотя, на первый взгляд, они противоречили здравому смыслу. Это, разумеется, повышало уверенность в правильности избранного пути.

Лишь в 90-е гг., когда стали более доступны иностранные журналы, выяснилось, что наши исследования удачно попадают в мейнстрим западных работ по изучению когнитивного бессознательного. Только западные экспериментаторы редко ставили глобальные теоретические вопросы, а ограничивались исследованием уникальных явлений, давая им локальное объяснение (а потому, если доверять методологам, с высокой степени вероятности неверное). Мы же опирались на некое – пусть предварительное – представление о работе сознания, поэтому видели родство совершенно разных, на первый взгляд, эмпирических явлений. Но, конечно, многие исследования добавляли в строящуюся концепцию новые идеи, которые иначе вряд ли бы вообще пришли в голову.

Подводя итог проделанной теоретической работе, не буду здесь подробно описывать сами экспериментальные результаты. Мне важнее целостная картина, а не существенные, но все же частные детали, к тому же во многом опубликованные. Вообще в данной работе претендую не на построение завершенной теории, а только на ее эскиз, поскольку цельную конструкцию заведомо не могу полно и однозначно описать. Предложенные идеи являются лишь попытками логического решения проблем, однако далеко не всегда доведенными до конкретного описания того, как это реально может происходить. Поэтому не готов дать ответы на все возникающие вопросы, но у меня, по крайней мере, есть надежда, что в указанном направлении их хотя бы можно искать. Ведь по предлагаемой дороге еще никто не ходил и потому пока никому не ведомо, есть ли в конце тупик.

Есть, впрочем, одна терминологическая проблема, не разрешимая в рамках *любой* теории сознания. Дело в том, что сознание – это омоним, имеющий много разных и, что печальнее, противоречащих друг другу значений. Ни одна теория заведомо не может описать всех употреблений слова "сознание". А это значит, что какое бы определение ни было дано в некоторой теории, всегда можно сказать, что под сознанием следует понимать нечто другое и что, таким образом, предложенная теория к сознанию не имеет отношения. Любое же определение, даваемое вне теории, понимается только в оппозиции к чему-либо. Что же обычно противопоставляется сознанию?

Философы часто определяют сознание как нечто идеальное в оппозиции к материальному. Физиологи предлагают рассматривать сознание как состояние бодрствования в противоположность сну или коме. Лингвисты – как нечто вербализуемое в противовес невербализованному. Социологи связывают с сознанием рациональное поведение по контрасту со стихийным. Психологи зачастую трактуют сознательное как осознанное в противопоставлении к неосознанному... Думаю, редакторы «The Cambridge handbook of consciousness» только от отчаяния могли заявить: «сознание — настолько сложная проблема, что мы вряд ли придём к адекватному пониманию сознания без междисциплинарной перспективы» [Zelazo, Moscovitch, Thompson, 2007, с. 2]. Это совершенно призрачная надежда при столь различающихся в разных науках взглядах на то, что, собственно, надлежит исследовать. А в каждой из этих наук есть еще уйма разнообразных определений, существенно отличающихся от сказанного. В одной только психологии сознание метафорически трактуется как нечто качественное («луч сознания»), количественное («объем сознания»), однородное («поток сознания»), разнородное («измененные состояния сознания») и т.д. Все это вместе объединить невозможно.

Рассмотрим пример, подчеркивающий весь ужас ситуации. Если человек в сновидении с кем-либо беседует и способен дать об этом отчет (вспомнить), то его сновидение, с одной стороны, принадлежит сознанию, поскольку оно идеально, в какой-то мере осознано и в нем присутствует вербализация. С другой – сознание здесь заведомо отсутствует, поскольку сновидение стихийно и протекает во сне. Наконец, можно описывать сон как измененное состояние сознания (а с позиции юристов, видимо, даже о не полно-

стью вмняемом состоянии, раз человек может о своем сновидении дать частичный отчет, но сознательно им не руководит). Как в итоге решить: сновидение протекает в сознании или нет?

Как ни удивительно, но в русскоязычной психологической литературе часто используется еще одна трактовка, опирающаяся на морфологию слова: мол, со-знание – это совместное знание. Однако, во-первых, Демокрит, введший термин «сознание» в научный оборот, вряд ли что-либо подобное имел в виду. Во-вторых, это сомнительно этимологически. Сознание – это калька с лат. *conscientia* (что обычно трактуется как «знание внутри себя»). При этом трактовка в русском языке значения приставки *с-* (*со-*) как совместности – редкая гостья в толковых словарях (“сбежать” не означает совместно бежать, да и “сомнение” никто не трактует как совместное мнение). В нашем случае, по-видимому, глагольная приставка *со-* просто придает глаголу “знать” совершенный вид. Тогда “со-знать” обозначает всего лишь “получить знание”, т.е. поместить его внутри себя. Наконец, уж если мы сегодня не можем определить значение слова сознание, то неужели русичи, созидавшие язык, лучше нас понимали, что оно означает?

Во всех случаях единственным фиксируемым проявлением сознания выступает осознанность. Термин “сознание” должен быть как-то с осознанностью связан. Иначе мы просто перестанем понимать, о чем, собственно, говорим. Чем в таком случае работа сознания будет отличаться от работы нейронных сетей? (Да и ничем не отличается, скажут некоторые физиологи, для которых осознанность – звук пустой). Или от компьютерной модели работы нейронных сетей? Или от каких-либо квантово-механических явлений (как утверждают некоторые физики)?

Каждый знает, что он умеет осознавать, и, по аналогии, приписывает это умение другим людям. Именно по аналогии, а не из каких-либо теоретических или эмпирических оснований. То, что другие люди утверждают, что и они тоже обладают осознанностью, само по себе ничего не доказывает. (Компьютер, например, можно легко запрограммировать так, что он будет уверять о наличии у него способности к осознанию, но мы ведь все равно ему не поверим). Поэтому до построения теории бессмысленно обсуждать, есть ли сознание у новорожденных, компьютеров или у космоса. Ответ на эти вопросы может быть дан только по отношению к тому пониманию сознания, которое использует принятая теория. По-настоящему термины в науке должны определяться входением в теорию, а не сами по себе. И оценивать надо не верность определений, а истинность и эвристичность теории, в которую эти определения входят.

2. Сознание как парадокс.

Несмотря на отсутствие однозначного определения, у всех людей есть некое интуитивное понимание того, о чем мы говорим, когда говорим о сознании. Как ни странно, но и такого понимания оказывается достаточно, чтобы погрузиться в пучину головокружительных головоломок. Подробным описаниям этих головоломок («вечных проблем») и, как правило, не слишком успешным попыткам их решения посвящено множество монографий. Многие психологи, тем не менее, почему-то уверены, будто эти проблемы давно решены и потому не слишком актуальны. А ведь без их решения ни одна теория сознания не может быть признана удовлетворительной.

Головоломка первая.

С одной стороны, наука опирается на представление, что любое событие в природе, в том числе любое действие человека, детерминировано, т.е. обусловлено какими-то причинами. Принцип детерминизма лежит в основе любого научного исследования. Ибо в противном случае нельзя ни предсказывать события, ни управлять ими, вообще в принципе невозможны разумные объяснения связей между явлениями, – т.е. невозможна наука.

Но, с другой стороны, каждый из нас сам чувствует свое право выбирать то или иное поведение, думать о том, о чем хочется. И потому — важнейшая нравственная максима всех времен и народов — должен быть готов нести ответственность за свои деяния. Предполагается, что человек, благодаря своему сознанию, обладает свободой воли, т.е.

способен совершать ничем не вынужденные поступки. Иначе говоря, свободное действие ничем не детерминировано или, как говорил Н.А. Бердяев, бесосновно и находится вне каузальных отношений бытия.

Как же принцип детерминизма может сочетаться со свободной волей? На первый взгляд, такое сочетание невозможно. Об этом как раз и писал Л.С. Выготский (1931, с.58): «Детерминизм — учение о полной причинной определенности всех психических процессов, в частности воли, в противоположность индетерминизму, учению о свободе воли и психической деятельности». Но принцип детерминизма необходим в науке, а принцип свободы (или, что то же, принцип активности личности) не может быть элиминирован ни в этике, ни в психологии. Как быть?

Можно, конечно, провозгласить, что противоречие между свободой и детерминизмом мнимое. Нельзя, якобы, свободу и детерминизм противопоставлять друг другу. Человек в какой-то мере действует вынужденно, а в какой-то — свободно. Но такое заявление ничего не решает. Философы давно и справедливо отвергли такой вариант ответа: свобода либо есть, либо ее нет. Ведь совершенно непонятно, как сознание может принять свободное решение! *Если нет никаких оснований для его принятия, то с чего вдруг оно это решение принимает? А если основания есть, то оно действует не свободно, а именно по этим основаниям.*

Предлагалась и такая версия решения: когда на человека одновременно действует множество факторов, требующих от него разных действий, то вот тут-то сознание и совершает свободный выбор. Иначе говоря, каждое действие человека чем-либо детерминировано, но человек свободен в выборе, какое из этих чем-либо детерминированных действий совершить. Однако и такое решение не проходит. Ведь если человек делает этот свой выбор, исходя из каких-либо оснований (например, выбирая действие, приоритет в выполнении которого по этим основаниям сильнее), то у него, по сути, нет свободы выбора — выбор осуществляется автоматически путем взвешивания весов воздействующих факторов. А если же нет никаких оснований для выбора, то его нельзя и совершить. От неразрешимости этой дилеммы даже пострадал Х. Вольф, первым в мире объявивший о существовании такой отдельной науки, как психология. Он утверждал, что свобода — это «способность души выбирать по собственному произволению из двух равновозможных вещей то, что ей больше нравится». Но как делается этот выбор? Оказывается, это разум на основе усмотрения связей вещей «показывает, что хорошо, что плохо, что лучше, что хуже» [цит. по: Васильев, 2010, с.53]. Коллеги философа быстренько объяснили тогдашнему прусскому королю, что учение Вольфа превращает людей в машины, снимает с них всякую ответственность за их действия и, в частности, не позволяет бороться с дезертирами. Король сразу же изгнал Вольфа из Галле, где тот тогда преподавал.

Еще одна часто обсуждаемая идея — вероятностный детерминизм. Если у человека нет оснований для совершения выбора, а выбор все-таки совершить нужно, то он может принять решение случайно (например, по жребию или по таблице случайных чисел). Но разве это свободный выбор? Пусть человек действительно в каких-то ситуациях принимает решение на основе случая. Однако тогда причиной выбора становится именно случай, т.е. результат жребия или чего-нибудь подобного, а не свободная сознательная воля.

Многие психологи ищут выход в том, что свободен не человек, а его личность, которая сама самостоятельно принимает решения. Или, иначе, реализация наших мыслей и желаний и есть наша свобода. В другой, более общей формулировке, внешние причины всегда действуют опосредствованно через внутренние условия. Однако все дело в том, что личность (как и любые внутренние условия) тоже формируется на каких-то основаниях, под воздействием каких-то причин. Но тогда именно эти причины, в конечном счете, и определяют выбор, который делает личность. И. Кант [1965, с. 493] уже давно иронизировал: представление будто бы мы свободны, потому что мы свободны в своих мыслях и желаниях есть «жалкая уловка, за которую кое-кто все еще готов ухватиться, полагая,

будто таким мелочным педантизмом разрешается трудная проблема, над решением которой тщетно бились в течение тысячелетий».

В итоге большая группа психологов вслед за И.М. Сеченовым [1949, с. 242–243] развивает идею, что «свобода воли – самообман». Там, где царит детерминизм, не может быть никакой свободы. В последние годы такой подход даже начинает получать экспериментальные подтверждения. В 1970-е гг. Б. Либет, опираясь на данные электроэнцефалографии, утверждал: если испытуемый должен просто пошевелить пальцем, когда ему захочется, то электрическая активность мозга все равно опережает возникновение его желания на 300 мс [Libet, 1985, 2004]. В начале нынешнего тысячелетия в работе берлинской группы Дж.-Д. Хайнеса [Soon et al., 2008], использовавшей уже магнитно-резонансную томографию, было показано: мозговая активность на 10 с опережает принятие спонтанного решения нажать на правую или на левую кнопку. Все это спровоцировало широкую и, на мой взгляд, заведомо бесплодную дискуссию: сознание – это раб мозга или все-таки нет? Бесплодную, потому что логические проблемы не решаются эмпирическим путем.

Посмотрим на отказ от свободы с этической точки зрения. Признаем, вначале, что добрые дела, когда мы их делаем по принуждению, неправомерно называть добрыми. И если человек сделал доброе дело для того, чтобы получить что-нибудь взамен (хотя бы благодарность), то это не настоящее доброе дело – ведь оно сделано из корыстных соображений. Если же у человека нет никаких причин делать доброе дело, то он и не сможет его сделать. Как же люди все-таки способны творить добро? Аналогично, если нет причин, заставляющих человека совершить преступление, то он его не совершит. Но если существуют причины (генетические, социальные, средовые, ситуационные и пр.), вынуждающие человека с необходимостью совершить преступление, то чем он виноват, если его совершает? Вряд ли нас устроит ответ Вольтера: сам-то преступник не виноват, но и мы не виновны в том, что вынуждены его наказывать.

Признание того, что человек все-таки может совершать свободные действия, побудили другую группу психологов отрицать детерминизм (причем в любой самой мягкой его формулировке). И, тем самым, увести психологию с поля науки. Представители этой группы интересуются всем таинственным и мистическим. Фундаментальные проблемы для них не представляют особого интереса, поскольку в психологии — все тайна, а не только проблема сознания или свободы. Индетерминистская позиция добавила психологии много новых красок, но отказала ей в возможности искать истину и находить законы.

Наконец, третья группа просто махнула рукой на противоречие. Такова, например, позиция Н. Хомского: раз в исследовании проблемы свободы нет не только прогресса, но даже плохих идей, то не надо ее и решать [см.: Хорган, 2001, с. 247–248]. Может, для лингвиста Н. Хомского эта проблема и не столь принципиальна, но психологов такой ответ не может устроить. Поэтому они смело заявляют: есть и свобода, и детерминизм! А уж как их соединить – не наше дело. Эту позицию замечательно высказал В. Франкл в известной формуле: свобода, несмотря на детерминизм. Этот правильный, с моей точки зрения, лозунг, однако, остается лишь лозунгом. В теории никакое явное противоречие недопустимо и должно быть разрешено. Но как возможно сохранить и представление о свободе, и принцип детерминизма, и при этом избавиться от логического противоречия? Далее я покажу, как это у меня получилось.

Головоломка вторая.

Вот самый древний вариант проблемы: как порождается сознание? Два варианта ответа. Первый – сознание существует всегда, т.е. является самостоятельной субстанцией, не зависимой от материи. Или, что одно и то же, сознание – это особый природный, т.е. физический, процесс, пока еще не открытый физиками. Такой ответ обычно не вызывает радостного энтузиазма у психологов, ведь он означает, что сознание существует независимо от людей, принадлежит, скажем, космосу и если уж все-таки может изучаться, то, наверное, с помощью физических методов. В религиозной версии уже никакие физики и никакие психологи не смогут ни изучать, ни понять сознание, ибо неисповедимы пути

Господни. А если пути неисповедимы, то и их исследование невозможно, что вообще выводит проблематику сознания за пределы науки. Второй вариант – сознание все-таки порождается. Но сознание не может возникнуть из самого сознания (иначе надо допустить существование сознания до своего возникновения). Раз мы не создаем сознание осознанно, значит, оно порождается из чего-то, лишённого сознания. Как писал в гейдельбергской программе В. Вундт, появляется из глубин разума. И для К. Юнга сознание – поздний потомок бессознательного. Объяснение известного (осознанный опыт) через непонятное (бессознательное) не выглядит что-либо объясняющим. Ведь о глубинах разума и о бессознательном мы твердо знаем только то, что они в чем-то похожи на осознанное (которое мы как раз и хотим объяснить, ибо именно оно и непонятно), только еще, к тому же, не осознаются, т.е. не представлены в нашем феноменальном опыте. Поэтому чаще принимаются более простые идеи: сознание порождается или мозгом, или социумом (языком).

Последняя версия при всей ее популярности невероятна. Буквально она означает, что люди, находясь в досознательном состоянии, научаются вступать друг с другом в контакт и даже способны породить языковое общение. Если это им все удастся сделать без осознания, то неплохо было бы объяснить, зачем тогда оно им вдруг понадобилось. Когда Л.С. Выготский заявляет, что у младенца все происходит вначале во внешнем (социальном) плане и лишь потом переводится (интериоризуется) во внутренний план, то это говорит лишь о влиянии социального на сознание, но никак не объясняет возникновение сознания, т.е. самого этого внутреннего плана.

Может, все-таки сознание порождается мозгом? Но почему какие-то процессы в головном мозге вдруг приобретают качество субъективного переживания? Невозможно в принципе представить, как то, что мы осознаем, может быть выражено на физиологическом языке – ведь в самих нервных процессах сознание не наблюдается. И наоборот, как пишет М. Велманс (2009, с.51), стоит только описать некоторый предполагаемый сознательный процесс в терминах, например, системы переработки информации в мозге, и «уже не нужно будет добавлять ”внутреннюю сознательную жизнь” для того, чтобы система работала».

В итоге подобных рассуждений многие известные психологи приходят к выводу: осознанность – это эпифеномен, сопровождающий некоторые протекающие в мозге информационные процессы. Мол, когда мы говорим о мозге, то мы говорим в третьем лице, а когда о сознании – то в первом, а на самом деле, это просто разные описания одного и того же. Такой подход очень странен. Ведь известные на сегодня психологические законы в большинстве случаев не сводимы к законам физиологии. (Мне, например, не представить себе описание сглаживания когнитивного диссонанса, выполненного на физиологическом языке). Что же это за «одно и то же» такое, если оно описывается разными законами? Наконец, взгляд на сознание как на эпифеномен нарушает методологический принцип простоты, принятый в науке: природа не создает лишних сущностей (как сказал И. Ньютон, природа ничего не делает напрасно).

Наверное, есть только одна возможная интерпретация такого подхода: сознание – особый механизм мозга, выполняющий какие-то специфические функции. Но какие? Высшие проявления человеческого духа – творческие открытия в науке и искусстве – обычно осуществляются внезапно для создателя, как бы без участия его сознания. Он сам не только не понимает, откуда к нему пришла идея, но и чувствует свою личную непричастность к ней. У него же только что этой идеи не было. Так откуда она взялась? Все популярные методы развития творчества направлены как раз на то, чтобы притупить или отвлечь сознание (стандартные рекомендации: расслабьтесь, думайте о чем-либо ином, почувствуйте себя ребенком, делайте первое, что придет вам в голову и т.п.). Создается впечатление, что сознание для творчества не только не нужно, но, возможно, и вредно. Так что же сознание делает?

В результате экспериментальных исследований последних лет оказалось, что практически всё, что раньше считалось прерогативой исключительно сознания (принятие ре-

шений, семантические преобразования, постановка целей, социальные оценки, моральные суждения и пр.), – всё это вначале делается неосознанно и лишь потом осознается. Исследования (в том числе и нашей группы) убедительно подтверждают, что неосознанно человек принимает, хранит в памяти и перерабатывает гораздо больше информации, чем осознает. Зачем тогда вообще нужна сознательная переработка информации?

Существующие ответы изумляют до крайности. Еще задолго до исследований, обнаруживших величайшую мощь когнитивного бессознательного, ситуацию в откровенно парадоксальной форме выразил П.Я. Гальперин [1976, с.61]: «В психических отражениях открывается даже меньше того, что есть в их основе, в физиологических отражениях ситуации. Но именно это "меньше" и открывает новые возможности действия!». Но почему вдруг «меньше» означает «больше»?² Многие современные авторы не рискуют, как Гальперин, в столь явном виде акцентировать парадоксальность своих утверждений. Например, они говорят: ограниченные возможности заставляют сознание быть избирательным и, тем самым, проявлять гибкость в приспособлении к изменяющимся ситуациям. Но с какой стати «более ограниченные возможности» способствуют лучшему приспособлению, чем «менее ограниченные возможности»? Логика поклонников такого объяснения, насколько я смог ее почувствовать, примерно такова. Мозг получает море различной информации. В этом море легко утонуть, не успев принять нужное решение в конкретной ситуации. Поэтому лишняя информация отфильтровывается и только необходимая попадает в сознание. Сознание, не отягощенное лишним, тем самым способно быстрее принимать наилучшие решения.

Однако такое объяснение очень странно. Как узнать, какая информация вообще никогда не понадобится? Вряд ли таковое в принципе возможно. Но все же допустим существование какой-то системы, умеющей это определять. Работа такой системы не может осознаваться (поскольку она принимает решение нечто не осознавать, а осознанно принять такое решение невозможно). Таким образом, данная система умеет отличать важную информацию от неважной. У сознания таких критериев нет – до сих пор, по крайней мере, никто в мире их не осознал. Но тогда, казалось бы, сама эта система и должна принимать все решения в любой ситуации – ведь только она знает, какая информация важна (в том числе, важна для данной ситуации). Зачем же тогда нужна осознанность?

Возможная иллюстрация такой идеи объяснения – отбор спама поисковой системой при работе человека со своей электронной почтой. Это очень удобная услуга. Она действительно освобождает человека от просмотра ненужной информации. Но вот беда: поисковая система просто выполняет технические процедуры и не знает, что на самом деле может понадобиться пользователю. Поэтому она дает возможность пользователю проверять правильность ее действий (т.е. осознать все попавшие в спам письма). Таким образом, критерии все-таки находятся в сознании пользователя, а не у поисковой системы. Проблема в том и состоит, что если бы поисковая система сама могла отбирать нужную информацию, то тогда становится непонятным, зачем нужен пользователь. Такая система в итоге сама бы прекрасно могла отвечать на письма. Так, любой шахматист будет играть на гроссмейстерском уровне, если начнет просто транслировать те ходы, которые предлагает современная шахматная программа. Именно поэтому на шахматных турнирах это запрещено – ведь тогда сам шахматист не играет никакой роли.

В итоге мне пришлось придумывать собственный ответ о функции сознания – признаюсь, что, несмотря на свою простоту, он не выглядит совсем естественным. Но, поскольку я знал, что научное открытие вначале вообще должно казаться сумасшедшим, я его сразу не отбросил (хотя, вспоминая известную фразу Н. Бора, готов допустить, что предложенная мной идея недостаточно безумна, чтобы быть верной). Постепенно обнаружил, что придуманный ответ позволяет предсказывать результаты экспериментов, спо-

² П.Я. Гальперин объясняет это, опираясь на представление о свободном выборе. И, тем самым, не решает проблему, а лишь сводит ее к предшествующей головоломке.

собен дать единообразное описание многих психических явлений, более того, что не менее важно, естественным образом приводит к тривиальным, т.е. хорошо известным, утверждениям, которые, однако, до сих пор не удавалось логически связно объяснить.

Головоломка третья.

В нашем сознании содержатся представления об окружающем нас мире и самом себе. Как проверить, являются ли наши представления верными? Сличить в сознании наши представления о мире с реальностью невозможно, ибо в сознании содержатся только представления, а не сама реальность. А нельзя сличать то, что есть в сознании, с тем, чего в сознании нет. Для примера: с чем надо сличать наши представления о самом себе? С самим собой? Но как это возможно осуществить? А если сличение невозможно, то нельзя утверждать об адекватности наших представлений. Лучшие умы Нового и последующих времен с ужасом вглядывались в эту проблему и предлагали разные версии выхода из этой ситуации, одна экзотичнее другой. И все они (от Беркли до позитивистов) вели в тупик. Подводя итог этим попыткам, великий У. Джеймс [2000, с.59] заявил, что вопрос о том, как познающий субъект может постигнуть какой-нибудь объект, «признан самой неразрешимой из философских головоломок».

Не обсуждая различные варианты, предложенные классиками философии (см. подробнее [Аллахвердов, 2003]), рассмотрю только одну идею, положенную в основу столь важного для отечественной психологии деятельностного подхода, – идею, разрабатываемую К. Марксом. Суть идеи такова: с одной стороны, действия человека руководит сознание, опирающееся на свое представление о мире, но с другой – сами эти действия протекают не в мире представлений, а в реальном мире, который и определяет осуществимость этих действий. Таким образом, практика (как совокупность целенаправленных действий) обладает, по Марксу, двуединой природой: она связана и с представлениями, данными сознанию, и с реальным миром. Если человек способен *целенаправленно* изменять окружающий мир и быть при этом успешным, то можно предполагать, что те его субъективные представления, в соответствии с которыми он действовал, соответствуют реальному миру.

Идея, безусловно, разумна. Но, к сожалению, недостаточна. Дело в том, что результаты практической деятельности все равно не даны сознанию непосредственно. Сравнивать *представления об ожидаемом результате* можно не с самим результатом, а только с *данным сознанию представлением о том, какой результат был достигнут*. Однако всем людям свойственно, как доказывают психологи, подтверждать свои гипотезы, т.е. принимать желаемое за действительное и подгонять наше восприятие к нашим ожиданиям. А, следовательно, субъективное отождествление предполагаемого результата с реально достигнутым еще не означает их подлинного тождества. Но тогда нельзя гарантировать, что результат познания адекватен изучаемой реальности.

Сформулирую теперь проблему в самом общем виде. Процесс познания состоит, по меньшей мере, из двух составляющих: того, что познается (назовем это реальностью), и того, с помощью чего это познается (неким познающим устройством, например человеком). Результат познания всегда будет зависеть об обеих составляющих. Я уверен, что объекты внешнего мира могут существовать независимо от субъекта – иначе мы придем к абсурдным следствиям. Но если субъект их не познает, то он, тем не менее, ничего о них и не знает. Раз нет процесса познания, то нет и предмета познания. В.Ф. Петренко прав [2009, с.7], когда пишет: «Надо отказаться от представления о предмете познания, существующем независимо от сознания познающего». Непознаваемость кантовской Ding an sich (которую правильнее, вслед за В.С. Соловьевым, переводить как «вещь сама по себе») как раз и обозначает невозможность познания реальности самой по себе, поскольку наши представления о реальности зависят как от этой реальности, так и от людей, ее познаю-

щих. А потому реальность в чистом виде человеку недоступна.³ Но если то, что мы познаем, зависит от познающего, то как мы можем узнать, каковы вещи на самом деле?

Идея, которую я буду далее развивать, как раз и состоит в том, что именно для решения этой познавательной задачи возникли психика и сознание.

3. Радикальный когнитивизм

Такой подход предполагает, что психика и сознание – это всего лишь инструменты познавательной деятельности. Но тогда главная цель человека – познание. И объяснять поведение человека надо тогда не в логике биологии (выживание), не в логике нейрофизиологии (так почему-то устроен мозг), не в логике социологии (так, мол, влияет социум), а в логике познания. И такой подход в психологии существует. Он называется когнитивизмом. Правда, отцы-основатели когнитивизма никогда ничего подобного не говорили – они выступали *против* – против бихевиоризма, а не *за* какую-нибудь иную идею. Дж. Миллер [2005] так и заявлял: когнитивная революция – это контрреволюция. То, что сразу бросалось в глаза, – возвращение исследований сознания в экспериментальную психологию. Однако потрясающие экспериментальные результаты, доказывающие мощь когнитивного бессознательного, лишь привели к дискуссии, не является ли сознание эпифеноменом. А стоит только признать, что сознание – эпифеномен, как отличие когнитивизма от бихевиоризма становится неуловимым.

Нонкогнитивисты, однако, выявили исходную позицию когнитивизма, которую сами когнитивисты не рисковали высказывать. Они назвали ошибкой когнитивистов представление, что все проявления психики и сознания сводятся к познанию и являются знанием. Оппоненты выявили, тем самым, революционный посыл когнитивизма, но, как и полагается оппонентам, выразили в заведомо неприемлемой форме. Легко опровергнуть, будто все в психике человека является знаниями. Воля, эмоции, ценности, очевидно, таковыми не являются. Рискну дать более приемлемую формулировку когнитивистской позиции – ранее я назвал ее радикальным когнитивизмом [Аллахвердов, 2005]: все психические и социальные явления должны объясняться причинами, обусловленными логикой познания. Сходную формулировку дает и философ В.А. Лекторский [2008, с.7]: когнитивная психология понимает познавательные процессы как лежащие в основе всех психических функций, в том числе эмоций, мотивации, воли.

Когнитивный подход в его радикальной версии тогда означает, что цель, стоящая перед человеком, наделенным психикой и сознанием, – познание. Любопытно, что взгляд на познание как на самоцель отстаивают многие мистики Востока и Запада. Мол, Бог для того создал мир, чтобы посмотреть на себя глазами человека. Или: через собственное Творение познать себя как его причину. Аналогичную идею высказывали и более рационально мыслящие философы. Б. Спиноза, например, говорит о природе, которая через человека познает себя. Практически ту же мысль уже в XXI веке выражает и М. Велманс [Velmans, 2009, p.298]: «мы участвуем в рефлексивном процессе, посредством которого Вселенная исследует самое себя».

Однако такая постановка вопроса смущает многих психологов. Целью любого биологического существа, говорят они, напрасно ссылаясь на эволюционизм, является выживание, а не познание. Безусловно, условием, дающим человеку возможность познавать, выступает само его существование. Можно, наверное, говорить, о существовании автономного блока жизнеобеспечения, работающего изначально независимо от психики и сознания. (Когда сознание вмешивается в работу этого блока, то это, вообще говоря, может приводить к беде). Но трактовать выживание как предназначение человека? Это даже этически выглядит странным и вряд ли удачно соотносится с реальной историей человечества. Тем не менее психологическая литература прямо-таки насыщена рассуждениями,

³ В конце двадцатого века признание зависимости результата познания от познающего почему-то назовут неклассической и даже постнеклассической парадигмой, хотя это понимал уже Платон, а в явном виде об этом говорят философы Нового времени.

объясняющими поведение человека «выживанием» или синонимичными ему «приспособлением» и «адаптацией». Но ведь эти термины на уровне индивида вообще не имеют смысла! Цель «выживание» недостижима, поскольку все живые существа смертны. (Поэтому З. Фрейд называл смерть целью всякой жизни). И нет никакого критерия, позволяющего оценить, какое действие в данной ситуации способствует выживанию.⁴ Нет даже критерия, позволяющего определить, кто из ранее живших людей выживал или адаптировался лучше. Действительно, кто: Пушкин или Дантес? Галилей или адмирал Нельсон? Филателисты или стеклодувы? Приспособленцы или нонконформисты? Но если цель недостижима и нет возможности оценить наши действия хотя бы относительно приближения к поставленной цели, то сама цель является заведомо фиктивной.

Мы выбираем подход, в котором человек рассматривается как существо, предназначенное, в первую очередь, к познанию, а его психика и сознание рассматриваются как необходимые инструменты познавательной деятельности. Поэтому все явления психической и сознательной жизни человека должны объясняться в логике познания. И некорректен вопрос: зачем человеку нужно познавать? Если мы выбираем исходную позицию, то можно лишь требовать, чтобы она была эвристичной и соответствовала наблюдаемым явлениям. Ибо вопрос «зачем?» коварен. Потому что любой ответ на этот вопрос порождает новый вопрос: а зачем? Авиценна, например, уверял, что познавший Истину достигнет вечного блаженства. Но всегда можно спросить: а зачем нужно вечное блаженство?⁵ Тем паче, что Лейбниц, например, справедливо считал: наше счастье не состоит и не должно состоять в полной радости, в которой иссякли бы наши стремления и угас бы наш дух, а состоит в постоянном переходе к новым радостям и новым совершенствам.

4. Независимая проверяемость знаний в науке и два пути познания.

Наука обычно признается наиболее развитым образцом познавательной деятельности. На протяжении веков ученые выработали правила, которым должна подчиняться научная деятельность, чтобы быть наиболее эффективной. Эти правила обычно называются методологическими регулятивами, или принципами. Разумно ожидать, что и сам человек как познающее существо функционирует, используя приемы познания, похожие на те, которые разработаны в науке. А с другой стороны, следует ориентироваться на эти правила для построения теории сознания, ибо ничего лучшего пока никем не было придумано.

В философии науки в какой-то мере головоломка о получении знания, не зависимо от познающего, получила некоторое решение. Методологи считают обязательными три способа проверки знаний: проверка всей совокупности знаний на внутреннюю согласованность, непротиворечивость (это требование связывается с принципом рациональности); сопоставление результатов познания, полученных принципиально разными, не зависими друг от друга способами (принцип независимой проверяемости); знание, полученное одним человеком, сообщается другим людям, предоставляя им возможность проверить это знание в своей деятельности (принцип интерсубъективности).

Рассмотрим более подробно принцип независимой проверяемости: *результат познания только тогда может претендовать на объективность, т.е. на независимость от субъекта познания, когда он получен субъектом совершенно разными, не зависими друг от друга способами.* И каждый такой способ должен опираться на свою специфическую информацию, свой способ генерации гипотез, свою собственную проверку этих гипотез и

⁴ Наверное, в некоторых ситуациях можно определить, какое действие не стоит делать – вряд ли стоит, например, прыгать с крыши небоскреба без парашюта. Биологи, впрочем, разъясняют, что все не так просто: любые присущие живым организмам свойства являются биологически целесообразными, т.е. способствуют выживанию. Поскольку смерть присуща всем живым существам, то она обязательно способствует выживанию. После таких рассуждений термины «выживание» и «приспособление» утрачивают для меня какой-либо понимаемый смысл.

⁵ Для мусульманина Ибн Сины познание Истины – значит, познание Бога (как и для христианина Фомы Аквинского познать Истину – это узреть Бога на небесах). Но для нашего рассуждения это не имеет значения, поскольку все равно можно спросить: а зачем это нужно?

т.д. Отсюда следует, например, что научная гипотеза не может быть подтверждена эмпирическими данными, на основе которых была сформулирована, – она должна предсказывать иные результаты, помимо тех, для объяснения которых была выдвинута.

Два принципиально разных пути познания были уже весьма давно описаны философами: эмпиризм (индуктивизм) и рационализм (дедуктивизм). Спор Ф. Бэкона, Дж. Локка и других эмпиристов, с одной стороны, Р. Декарта, Г.В. Лейбница и рационалистов с другой – о том, какой путь ведет к истине, – закончился вничью: оба пути были признаны взаимно необходимыми. Философы стали их называть двумя взаимосвязанными языками науки, двумя генетическими схемами научного познания, двумя моделями научного знания и т.д. Упрощенно различие между двумя путями можно описать так. Эмпирическое познание начинается с фактов, интуитивно принимаемых за очевидные, их индуктивно обобщает (например, формулирует эмпирический закон), из обобщения выводит следствия, предсказывающие новые, еще не известные факты. Если предсказания оправдываются, обобщение подтверждается. Рационалисты же исходят из того, что подлинное знание может быть получено на основе каких-либо разумных соображений («рациональной интуиции»). Опираясь на эти соображения, далее строятся предположения о природе изучаемого явления, а из них уже логическим путем выводятся проверяемые в опыте предсказания. Неясность слов (разумные соображения, интуиция) привели к тому, что сегодня их все чаще стали заменять словами «произвольные догадки». Ученый догадывается (строит не основанные на опыте гипотезы) и подвергает свои догадки опытной проверке.

В современной методологии науки утверждается обязательность двух уровней, или типов, научного познания: эмпирического и теоретического. Если эмпирик пытается найти закономерности в том, что явлено ему в опыте, то теоретик строит догадки о не наблюдаемой непосредственно сущности явлений. В.С. Степин [2011, с.200] подчеркивает опасность характерного для позитивизма (и – добавлю – бихевиоризма как преданного последователя позитивизма) пренебрежения теоретическим уровнем познания: «эмпирическое знание является индуктивным обобщением опыта и представляет собой вероятностно-истинное знание. Теоретический же закон – это всегда знание достоверное».⁶ Дело в том, что всеобщее высказывание (каковым является любой закон, любое указание о связи явлений и т.д.) не является эмпирическим высказыванием, поскольку не может быть непосредственно во всем объеме подтверждено опытом. (Об этом блестяще писал еще Д. Юм). Например, эмпирическое обобщение «все лебеди белые» (которое считалось верным до обнаружения черных лебедей) предполагает опытное подтверждение белизны всех как ранее живших, так и ныне живущих лебедей, а заодно и всех лебедей, которые будут жить в будущем. Очевидно, что это невозможно. Поэтому эмпирическое обобщение и названо Степиным «вероятностно-истинным» (т.е. вероятным). Теоретическое же высказывание – это высказывание об умозрительных конструктах. А эти конструкты представлены в сознании во всей полноте.

Теории пишутся не для реальных, а для идеализированных (заведомо не существующих) объектов (принцип идеализации). Эти объекты мысленно конструируются самими теоретиками так, чтобы они были наделены только интересующими теоретика свойствами и при этом напрочь лишены других свойств, которые, тем не менее, необходимо присущи реальным вещам и явлениям. Типичные примеры идеализированных объектов – материальная точка, лишенная длины и ширины, идеальный газ, математический маятник, абсолютно упругое тело, идеализированная популяция в биологии (т.е. бесконечная популяция, где все особи скрещиваются равновероятно), абстрактный труд и т.п. Благодаря идеа-

⁶ А вот как Лейбниц [1983, с.49] говорит о недостатках чистого эмпиризма: «Выводы, делаемые животными, в точности такие же, как выводы чистых эмпириков, уверяющих, будто то, что произошло несколько раз, произойдет снова в случае, представляющем сходные - как им кажется - обстоятельства, хотя они не могут судить, имеются ли налицо те же самые условия. Благодаря этому люди так легко ловят животных, а чистые эмпирики так легко впадают в ошибки».

лизации из теории устраняются все случайные обстоятельства, которые затемняют и искажают сущность изучаемого явления. Поэтому Б.С. Грязнов [1982, с.231] остроумно назвал научную теорию *карикатурой на действительность* (карикатурист, как известно, намеренно выпячивает одни черты и заведомо пренебрегает другими). Поскольку идеализированные объекты являются мысленными конструктами, постольку теоретик может оперировать ими и дедуктивно выводить следствия, не обращаясь непосредственно к реальности. Это уже потом построенная теория приобретает интерпретацию на реальности. Тогда выведенные логическим путем следствия могут проверяться в опыте.

Теоретический закон потому и достоверен, что он относится не к реальности, а к заведомо не существующим идеализированным объектам. В.С. Степин поясняет различие на примере открытия закона Бойля-Мариотта. Вначале Р. Бойль эмпирически обнаружил, что произведение величины давления (P) и объема газа (V) константно.⁷ Сегодня мы знаем, что это верно только в случае разреженных газов (потому, замечает Степин, и не совсем истинно). Теоретический же закон $PV=\text{const}$ вывел Д. Бернулли. Он опирался на представление об идеальном газе и законы механики Ньютона. И получил данную формулу расчетным путем. А потому эта формула достоверна. Другое дело, что реальный газ ведет себя как идеальный только при небольших давлениях.

Итак, эмпирическое обобщение дает знание о реальности, но только вероятное, а теоретическое знание дает достоверное знание, но зато о не существующих в реальности предметах. Совпадение результатов эмпирического и теоретического исследований позволяет утверждать, что результаты эмпирического исследования не случайны, а результаты теоретического – применимы к реальности. Таким образом, только опора одновременно и на опыт, и на логику позволяют нам надеяться, что наши знания более-менее адекватны реальности. Если принять требование независимой проверяемости, то и эмпирический (индуктивный) и теоретический (дедуктивный) пути познания необходимо должны присутствовать в познавательной деятельности человека и реализовываться в его мозге.

5. Идеализированный объект теории сознания

Раз уж мы строим *теорию* сознания, то, исходя из сказанного, мы должны вначале создать идеализированный объект. Будем, с позиции радикального когнитивизма, рассматривать человека как идеальное познающее существо, обладающее мозгом, идеально приспособленным для познания и не имеющим никаких ограничений по приему, хранению и переработке информации ни по скорости, ни по объему. В реальности это, разумеется, не так. Еще со времен Г. Гельмгольца известно, например, что скорость прохождения нервного импульса по нервному волокну отнюдь не является бесконечной. Но могут же астрономы принимать огромную Галактику за материальную точку, размеры которой приравнены к нулю! Введенная идеализация просто предполагает: скорость нервных процессов столь велика, что она никак не влияет на скорость протекания психических процессов.

Эта идеализация важна потому, что утверждает: сама *логика познавательной деятельности* накладывает ограничения на информационные преобразования в психике и сознании, и эти ограничения настолько мощнее физических или физиологических, что последними при описании психики и сознания можно пренебречь. Такое допущение, хотя я и ввел его почти 20 лет назад, наверное, до сих пор кажется неожиданным. Уж слишком любят психологи, объясняя регистрируемые в опыте ограничения (будь то сенсорные пороги, объем кратковременной памяти, ошибки интерференции или что иное), ссылаться на неведомые, но предполагаемые ресурсные ограничения, обычно понимаемые как физиологические. Однако беда подобных объяснений – они все противоречат получаемым

⁷ Стоит уточнить: в реальном опыте константность (т.е. абсолютную идентичность получаемых значений) не получить, эмпирически можно обнаружить лишь то, что *почти все* получаемые значения *близки друг к другу*. Утверждение о константности – это уже эмпирическое обобщение, которое само по себе, тем не менее, эмпирически не обосновано.

позднее экспериментальным данным, и их приходится спасать введением новых предположений о других ограничениях, а это, с методологической точки зрения, является опасным делом. Ведь введением специальных допущений для объяснения противоречащих данных можно спасти от опровержения любую гипотезу.

Если принять введенную идеализацию, то некоторые ранее обсуждаемые проблемы можно сформулировать чуть иначе и заодно поставить новые вопросы. Чего именно мозгу так серьезно не доставало в организации познавательной деятельности, что понадобилось появление сознания? Какова логика, дающая сознанию возможность свободно действовать по своему усмотрению и при этом подчиняться законам, детерминирующим его работу? Почему, коли сознание является главным познавательным инструментом человека, на его работу наложены столь жесткие ограничения, регистрируемые в опыте? Если мозг идеален и способен сам решать все задачи быстро и точно, то зачем мы делаем ошибки? Зачем мы эти ошибки регистрируем как ошибки, но при этом не осознаем, что ошибаемся? Как могут взаимодействовать между собой независимые друг от друга познавательные процессы и при этом все-таки продолжать оставаться независимыми?

Возможные ответы на эти вопросы будут даны в следующем сообщении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб. 1993
2. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. СПб. 2000
3. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб. 2003
4. Аллахвердов В.М. Когнитивизм. // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь. Общая психология (под ред. А.В. Петровского). М. 2005, с. 55-56
5. Аллахвердов В.М. Научное исследование как тривиализация обоснованной ахиней. // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива. (Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича). М. ИП РАН, 2007, с.174-194
6. Варшава Б. Е., Выготский Л. С. Психологический словарь. М. 1931
7. Васильев В.В. Философская психология в эпоху Просвещения. М. 2010.
8. Веллманс М. Как отличать концептуальные моменты от эмпирических при изучении сознания. // Методология и история психологии, 2009, т.4, вып.3, с.42-54.
9. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М. 1976
10. Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М. 1982
11. Джеймс У. Введение в философию. М. 2000
12. Кант И. Сочинения. Т.3. М. 1965
13. Лейбниц Г.В. Сочинения. Т.2. М. 1983
14. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М. 1980
15. Лекторский В.А. Философия и исследования когнитивных процессов. // Когнитивный подход: философия, когнитивная наука, когнитивные дисциплины. М., 2008
16. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М. 1990
17. Миллер Дж. Когнитивная революция с исторической точки зрения. // Вопросы психологии, 2005, №6, с.104-109.
18. Петренко В.Ф. Космический странник – сознание. Опыт индивидуального брейн-штурмига. // Методология и история психологии, 2009, т.4, вып.1, с.5-24.
19. Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М. 1949.
20. Степин В.С. История и философия науки. М. 2011
21. Хорган Дж. Конец науки: Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. СПб. 2001.
22. Libet B. Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2004
23. Libet B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action.// The Behavioral and Brain Sciences. 1985, v.8, №4, p.529-439.

24. Soon C.S., Brass M, Heinze H.J., Haynes J.D. Unconscious determinants of free decisions in the human brain. *Nature Neuroscience*. 2008 v.11, №5, p. 543-545.
25. Velmans M. *Understanding Consciousness*. 2 ed. NY. 2009.
26. Zelazo P. D., Moscovitch M., Thompson E. *Consciousness: An introduction // The Cambridge handbook of consciousness / Eds. P. D. Zelazo, M. Moscovitch, E. Thompson. — New York: Cambridge University Press, 2007, p. 1—3.*